

Почему В.Н. Татищев оставил свою библиотеку в Екатеринбурге в июне 1737 года?

Автор статьи с привлечением новых архивных документов опровергает устоявшееся в отечественной и зарубежной историографии мнение и доказывает, что В.Н. Татищев вынужден был принести свою библиотеку в дар Екатеринбургскому в 1737 г. в силу целого ряда обстоятельств.

Ключевые слова: Россия, Урал, Екатеринбург, В.Н. Татищев, библиотека, дарение.

В нашей литературе прочно утвердилось мнение, что В.Н. Татищев, являвшийся с 1734 г. начальником казенных заводов Урала и Сибири, уезжая в июне 1737 г. в Самару в связи с назначением одновременно и руководителем Оренбургской экспедиции, подарил горнозаводским школам свою личную библиотеку. Эта уверенность основывается на его собственном показании, имеющемся в I томе «Истории Российской»: «В 1737-м ... пожалован тайным советником в Оренбургскую экспедицию, ис которого видя, что уже к докончанию способа не достанет, всю мою библиотеку, состоящую более 1000 книг, для пользы заводских школ (которые трудом моим учреждены и в доброй порядок приведены были) оставил» [11].

В письме советнику Академии наук И.Д. Шумахеру от 21 ноября 1739 г. Татищев коснулся судьбы своего книжного собрания: «Затем надобно бы за новую часть приняться, токмо все собранное по оной с заводов и Самары послано в Москву, которого без меня сыскать не можно, к тому же книги многие, необходимо нужные, *остались в заводах* или же в Москве, а некоторых еше не выписано. И затем оную до времени принужден оставить...» (курсив мой. — А.С.) [10, с. 276].

В письме Шумахеру от 14 января 1748 г. Татищев выразил сожаление по поводу оставленной в Екатеринбурге библиотеки, узнав о гибели части книг Академии наук во время пожара: «А печатных вы известны, что более 1000 книг, устроив в Оренбургу школу, мою библиотечку подарил или до времени оставил. Но ныне слышу, что оные туне лежат и могут беспутно разпропасть. Академия от покупки таких может напрасно убыток

**Алевтина Михайловна
Сафронова,**
доцент кафедры архивоведения
и истории государственного
Уральского государственного
университета им. А.М. Горького,
кандидат исторических наук
(г. Екатеринбург)

понести. Оным я имею у меня кафалог. И сверх того немало Академию купленные туда сосланы, о чем может его сиятельство е. в. представить. Таким образом, можете неколико вашего усчерба наградить» [10, с. 334].

Обратим внимание, за старостью и болезнями Татищев перепутал город, в котором оставил книги, и употребил в отношении своих действий глаголы разного значения: словосочетание «до времени оставил» напрочь исключает «подарил». Таким образом, и сам Татищев по-разному трактовал свои действия в отношении библиотеки. Причем о даре заявил лишь один раз, а трижды заявлял, что оставил, причем один раз с уточнением — «до времени». Но на эти разночтения никто из историков никогда не обращал внимания, свидетельства о даре книг

Екатеринбургу принимались как абсолютно достоверные, поскольку исходили не от кого-нибудь, а от самого Татищева.

Зададимся вопросом: почему Татищев, работая над историей и географией России, нуждаясь в книгах, покупая их в течение всей своей жизни в Германии, Швеции, в различных городах России, выписывая книги из Академии наук, дожидаясь их присылки из Европы, вдруг взял и оставил свое уникальное книжное собрание на Урале и не попытался вернуть хотя бы часть исторических книг впоследствии? Ведь он продолжал активно заниматься историей, и многие книги ему были просто необходимы.

В.Н. Татищев

Причина крылась, на наш взгляд, в стечении нескольких об-

стоятельств. Начиная с 1736 г., Татищев ощущал перемену в отношении к себе как начальнику Уральских и Сибирских заводов со стороны властей. Он ехал на Урал с «полной мочью»: права Канцелярии Главного заводов правления, которой руководил Татищев, стали шире прав центрального органа управления промышленностью — Берг-коллегии, упраздненной в 1731 году. Период с марта 1734 до конца 1735 г. можно считать звездным часом в судьбе Татищева. Он полон планов, его просьбы находят отклик у столичных властей, он смел в своих начинаниях.

В конце 1735 г. Татищев проиграл борьбу с заводовладельцами. Кабинет министров резолюцией на прошение А. Демидова от 12 декабря 1735 г. отменил институт шихтмейстеров на частных заводах. Наказ, составленный для них Татищевым, терял всякую силу, так и не став законом [5]. Это был тяжелый удар для Татищева. Только 20 января, придя в себя, он составил доношение Кабинету министров, заявив, что Демидов «неправильно в. в. доносил и на меня невинно клеветает», попытался оправдать свои действия по всем пунктам обвинения [10, с. 220—221]. К середине 1736 г. неприятности, связанные с владельцами частных заводов, усилились. Они подали новые жалобы на Татищева. Он был вынужден оправдываться перед кабинет-министрами: «я суда никакой охоты ехать не имел», «я от крайней глупости» рассердил Строгановых и Демидова, «достойно так тяжким гневом наказан», милости лишен, «в страх крайней гибели и отчаяние пришел, ничего начать, ниже представить [не] смею, розсудя то, что уже мое безумство неоднова м[еня] обмануло... к дальнейшему произведению никакой смелости не имею...» [6, л. 288].

Указом от 20 августа 1736 г. Кабинет министров известил Татищева об учреждении особого органа для управления заводами — Генерал-

Берг-директориума во главе с Шембергом, предписал доношения отправлять в него «и по получаемым из оного определения поступать...» [6, л. 285—285 об.]. Первыми же своими решениями Генерал-Берг-директориум «порадовал» Татищева: указом от 25 января 1737 г., изложив жалобу Демидовых на взятый под команду Татищева Томский завод, предписал отдать его обратно Демидову «немедленно» [2, л. 132—135]. Указом от 11 февраля 1737 г. отказывалось в выписывании искусного в астрономии географа, архитектора и «учинения географического описания» [2, л. 96].

Татищев допустил большую оплошность: в доношении от 17 декабря 1736 г., желая подчеркнуть свои заслуги (а этой возможностью он никогда не пренебрегал), неосторожно заявил, что во исполнение именной инструкции, данной ему императрицей в 1734 г., «школы здесь латынская, немецкая и руская учреждены, учителя к тому определены...и для пользы тех школ довольно хорошему библиотеку посторонними деньгами собрали» [4].

Генерал-Берг-директориум очень заинтересовал вопрос, что это за «посторонние» деньги? И тем же указом от 11 февраля 1737 г. директориум потребовал: «об оных прислать известие: откуда оные деньги собраны, ис какой суммы» [2, л. 96]. Вопрос был очень каверзный. Все книги для школ и Екатеринбургской библиотеки горного ведомства, созданной по инициативе и при непосредственном участии Татищева, за исключением части одной партии (на приобретение которой он передал 100 руб., полученные в дар от кунгурских земских старост), приобретались за казенный счет. Дважды, как нам удалось установить, Татищев передавал в пользу заводов собственные партии книг с возмещением средств: в 1734 г. в Москве, еще по пути на Урал [9], и в январе 1736 года [8]. Не оплаченными оставались книги, поступившие из Академии наук в 1736 г., ожидалось новое поступление на значительную сумму. Причем большинство выписанных книг предназначалось для написания «Истории Российской» Татищева. Уплатить деньги должен был Генерал-

Книги библиотеки В.Н. Татищева, хранящиеся в Свердловском областном краеведческом музее

Берг-директориум с последующей постановкой их на счет заводов.

3 июня 1737 г. в Екатеринбург прибыл капрал из столицы с именованным указом от 5 мая о пожаловании Татищева чином тайного советника и новом назначении — руководителем Оренбургской экспедиции. Татищев должен был немедленно отправляться в Самару, уладив до отъезда все заводские дела. Для самого Татищева было неясно — останутся ли заводы по-прежнему в его ведении или нет.

Опасаясь возможной передачи дел новому начальнику заводов, что могло повлечь за собой сверку финансовых документов (как это делалось при передаче дел от Геннина Татищеву в 1734 г.) и претензии к нему, Татищев решил на всякий случай прикрыть благими намерениями один беспоконивший его поступок: незаконное получение крупной по тем временам суммы, около тысячи рублей, от кунгурских земских старост. По этой причине, по нашему мнению, и мог родиться документ, написанный Татищевым за два дня до отъезда в Самару.

24 июня 1737 г. Татищев составил «Ведение» для Канцелярии Главного заводов правления, в котором сообщил: 31 января 1736 г. «кунгурские земские старосты принесли мне в честь денег 989 руб. 47 коп., которые им выданы за работу на Ягушинском заводе. А понеже я по воле высокой е. и. в. милости жалованьем доволен, того ради оные употребил в пользу здешних школ и, купя на оные книги разных языков, також из моих собственных прибавя, отдал пастору в хранение, которым роспись за его рукою при сем посылаю» [10, с. 257].

Сам факт получения денег не может вызывать сомнения — зачем Татищеву оговаривать себя? Указано кто, когда, какую сумму ему вручил. Возможно, происхождение этой суммы связано с распоряжением Татищева, зафиксированным в дневальной книге входящих и исходящих документов его личной канцелярии 5 января 1735 г.: «Письмо к капитану Берглину об удержании ему тысячи рублей денег до указа, которые по челобитью Кунгурского уезда земских старост по определению Главной Канцелярии велено выдать им за работы» [7]. Судя по этой записи, земские старосты хлопотали о получении денег для раздачи крестьянам перед Канцелярией, решение об этом было принято, но Татищев в письме главе Пермского горного начальства распорядился эту крупную сумму попридержать.

На факт получения Татищевым 1000 руб. никто из исследователей не обращал внимания. Думается, не случайно Татищеву пришлось «обнародовать» это событие, касавшееся лично его. Он прекрасно понимал: если о получении взятки узнают в столице, это может иметь для него самые неблагоприятные последствия.

В связи с отъездом в Самару и возможным отрешением от дальнейшего управления заводами Татищев постарался прикрыть полу-

чение крупной суммы почти в тысячу рублей благовидным поступком: якобы тратой всей полученной суммы на приобретение книг для пользы заводов и школ. Одновременно решалась и проблема «посторонних» денег, «истраченных» на формирование казенной библиотеки.

Но поскольку на самом деле книги приобретались за счет заводов и на меньшую сумму, Татищеву пришлось передать собственную библиотеку казне. Оформляя передачу якобы купленных на полученные от кунгурских земских

Титульный лист книги о Карле XII, приобретенной В.Н. Татищевым в Ледезунде в 1719 г., во время переговоров о заключении мира со Швецией

старост 989 руб[6]. 47 ко[п]. казенных книг, Татищев добавил фразу: «також из моих собственных прибавя». Но в каталоге, прилагавшемся к «ведению», фигурируют книги исключительно из его личного собрания. «Прибавка» собственных книг Татищевым — это единственное поступление книг в казенную библиотеку в июне 1737 г., причем самое крупное, на сумму, превосходившую 989 рублей. По подсчетам В.С. Астраханского, цена 617 томов, фигурировавших в каталоге, составляла 1039 руб. 39 копеек [1].

Если бы не боязнь обвинений в получении взятки и необходимость оправдаться в «посторонних деньгах», заинтересовавших Генерал-Берг-директориум, к чему было привязывать получение 1000 руб. от кунгурских земских старост к покупке книг, являвшихся его собственностью?

Если бы Татищев действительно хотел подарить свое богатейшее книжное собрание в пользу школ, он прямо заявил бы об этом. Ведь передача книг, приобретавшихся в течение всей жизни на собственные деньги, делала поступок Татищева более благородным, заслуживавшим похвалы современников и потомков. И Татищев не преминул бы вос-

пользоваться этим для торжественных заявлений, поставив в известность Генерал-Берг-директориум и Академию наук.

Лишь в августе 1737 г., уже после отъезда Татищева в Самару, справка о приобретении библиотеки «посторонними деньгами» была отправлена в Генерал-Берг-директориум. Заметим, на ее составление ушло полгода! В справке наряду со 100 руб., врученными Татищеву посадскими людьми Кунгура в марте 1735 г., появился дополнительный источник «посторонних» денег на формирование библиотеки: 989 руб. 47 коп., полученных от кунгурских земских старост в январе 1736 года [3]. Вот в этой сумме, на наш взгляд, и заключалась главная причина, почему Татищеву пришлось передать свои собственные книги «для пользы заводских школ».

Как бы то ни было — вынужден был Татищев расстаться со своей библиотекой или оставил ее временно — это не умаляет его огромных заслуг в деле распространения просвещения в России, на Урале. Его деятельность на этом поприще еще не окончательно изучена и оценена. Усилиями Татищева в Екатеринбурге была создана казенная библиотека. Татищев оставил в Екатеринбурге свои собственные книги — и это сыграло огромную роль в «умопрояснении» не одного поколения. Благодаря уникальному собранию, провинциальный город-завод встал на одну ногу с передовыми университетскими городами Европы. И мы должны быть благодарными Татищеву за это.

Список источников

1. *Астраханский В.С.* Каталог Екатеринбургской библиотеки В.Н. Татищева 1737 г. // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1980. — Л., 1981. — С. 16.
2. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 40. Л. 132—135.
3. Там же. Ф. 129. Оп. 1. Д. 166. Л. 59об.
4. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1063. Л. 52 об.
5. Полное собрание законов Российской Империи. — 1-е собр. — СПб., 1830. — Т. IX. — № 6 840.
6. РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133.
7. Там же. Оп. 22. Д. 1528. Л. 31.
8. *Сафронова А.М.* Вклад В.Н. Татищева в формирование собраний законодательных актов Уральских заводов в 1734—1737 гг. // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. — Вып. 5. — Екатеринбург, 2005. — С. 60—76.
9. *Она же.* Передача Татищевым книг в пользу Уральских заводов в 1734 г. // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманит. науки. — Екатеринбург, 2009. — С. 197—209.
10. *Татищев В.Н.* Записки. Письма 1717—1750 гг. / В.Н. Татищев. — М., 1990.
11. *Она же.* История Российская / В.Н. Татищев. — М.; Л., 1962. — Т. 1. — С. 349.

Иллюстративный материал предоставлен автором статьи.

Анонс

Книга в пространстве культуры: [сб. ст.]: вып. 1(7)'2011 / Рос. гос. б-ка; [отв. сост. Т.Л. Миронова]. — М., 2011. — 160 с. — (Приложение к журналу «Библиоковедение»).

В седьмом выпуске ежегодника Российской государственной библиотеки представлены новейшие исследования различных аспектов развития и бытования русской и славянской книжности с древнейших времен по настоящее время.

В числе статей, посвященных рукописной книжной традиции, — исследование Т.Л. Мироновой «Глаголица и славянская глаголическая книга: происхождение и эволюция» и работа О.Н. Радеевой «Русский книжник XVIII века: компилятор, редактор, летописец».

Раскрытию образа выдающегося деятеля книжной культуры посвящено исследование М.М. Панфилова «Русский путь Алексея Хомякова».

Представляет актуальность статья А.И. Вдовина о современной учебной вузовской и школьной книге по историческим дисциплинам «Россия в постсоветской истории: проблемы и подходы к изучению». Иную сторону книжной культуры нашего времени исследует Д.М. Эпштейн в работе «“Золотые книги”: эволюция жанра».

В сборнике представлены также труды, посвященные искусству книжного дела. Среди них статья Е.А. Лаврентьевой «Мифология книжного образа».

Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» — 10616

Справки о приобретении по тел.: (495) 695-79-47, e-mail: bvpress@rsl.ru, Редакционно-издательский отдел периодических изданий Российской государственной библиотеки